

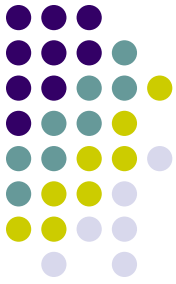
**Работа Маяковского в “Новом
Сатириконе”.**

Сатира в творчестве поэта

Гимн судьбе (1915)

- По Красному морю плывут каторжане,
трудом выгребая галеру,
рыком покрыв кандальное ржанье,
орут о родине Перу.
  - О рае Перу орут перуанцы,
где птицы, танцы, бабы
и где над венцами цветов померанца
были до небес баобабы.
  - Банан, ананасы! Радостей груда!
Вино в запечатанной посуде...
Но вот неизвестно зачем и откуда
на Перу наперли судьи!
  - И птиц, и танцы, и их перуанок
кругом обложили статьями.
Глаза у судьи — пара жестянок
мерцает в помойной яме.
  - Попал павлин оранжево-синий
под глаз его строгий, как пост, —
и вылинял моментально павлиний
великолепный хвост!
- А возле Перу летали по прерии
птички такие — колибри;
судья поймал и пух и перья
бедной колибри выбрил.
- И нет ни в одной долине ныне
гор, вулканом горящих.
Судья написал на каждой долине:
«Долина для некурящих».
  - В бедном Перу стихи мои даже
в запрете под страхом пыток.
Судья сказал: «Те, что в продаже,
тоже спиртной напиток».
  - Экватор дрожит от кандалных звонов.
А в Перу бесптичье, безлюдье...
Лишь, злобно забившись под своды законов,
живут унылые судьи.
  - А знаете, все-таки жаль перуанца.
Судья написал на каждой долине:
«Долина для некурящих».

- В конце зимы 1915 г. молодой поэт начинает сотрудничество с журналом «Новый Сатирикон». Вскоре на страницах издания появляется «Гимн судьбе». Он открывает серию знаменитых памфлетов, которые являются первым этапом становления оригинального сатирического метода Маяковского.
- Автор, позиционирующий себя как противник литературных традиций, прибегает к проверенному временем методу — сатире. Место ее действия нарочито отдалено от российских границ. Художественное пространство Перу характеризует словом «рай»: изобильную землю, переполненную «радости грудой», населённую беспечными туземцами. Особая манера лирического повествования высвечивается начиная с первых строк. Поэт активно привлекает сниженную лексику, используя просторечные слова. Гармоничный мир стремительно разрушается с приходом судей, умеющих превращать прекрасное и цветущее пространство в пустое и безжизненное, обозначенное неологизмами «бесптичье» и «безлюдье». Обобщая печальные результаты юридического десанта, в финальной части субъект речи сообщает о собственной оценке нашествия. Он жалеет беззащитных аборигенов и говорит о вредоносной природе судейского племени, нарушающего спокойную жизнь не только в Перу.

Гимн ученому

- Народонаселение всей империи — люди, птицы, сороконожки, ощетинив щетину, выперев перья, с отчаянным любопытством висят на окошке.
- И солнце интересуется, и апрель еще, даже заинтересовало трубочиста черного удивительное, необыкновенное зрелище — фигура знаменитого ученого.
- Смотрят: и ни одного человеческого качества. Не человек, а двуногое бессилие, с головой, откусанной начисто трактатом «О бородавках в Бразилии».
- Вгрызлись в букву едящие глаза, — ах, как букву жалко!
Так, должно быть, жевал вымирающий ихтиозавр случайно попавшую в челюсти фиалку.
- Искривился позвоночник, как оглоблей ударенный, но ученому ли думать о пустяковом изъяне? Он знает отлично написанное у Дарвина, что мы — лишь потомки обезьяньи.
- Просочится солнце в крохотную щелку, как маленькая гноящаяся ранка, и спрячется на пыльную полку, где громоздится на банке банка.
- Сердце девушки, вываренное в иоде. Окаменелый обломок позапрошлого лета. И еще на булавке что-то вроде засушенного хвоста небольшой кометы.
- Сидит все ночи. Солнце из-за домишки опять ослабилось на людские безобразия, и внизу по тротуарам опять приготовишки деятельно ходят в гимназии.
- Проходят красноухие, а ему не нудно, что растет человек глуп и покорен; ведь зато он может ежесекундно извлекать квадратный корень.

В «Гимне ученому» (1915) Маяковский описывает «человека от науки», который, по представлениям поэта, является типичным «книжным червем». Ученый полностью оторван от жизни, хотя и «нагружен» большим количеством знаний. Это делает «великого ученого» полностью нежизнеспособным, убогим и жалким.

Стихотворение начинается с вступления, в котором описывается небывалый ажиотаж, вызванный появлением ученого. Все, от солнца до сороконожки, «с отчаянным любопытством висят на окошке», желая увидеть «фигуру знаменитого ученого». Однако публику ждет грандиозное разочарование.

Все интеллектуальные усилия этого человека ушли на то, чтобы изучать мизерную, оторванную от жизни, не представляющую большой ценности проблему (что-то вроде «О бородавках в Бразилии»). И теперь этот человек «носит» со своей темой, «высасывая» из нее последнее, но это выглядит убого и жалко.

И действительно, внешне и, что страшнее, внутренне, знаменитый ученый похож на ископаемое - согнутый позвоночник, потухший взор, мертвая душа

Ничто вокруг не радует его, ничто не может заставить полноценно жить.

Маяковский находит точные и образные сравнения для своего героя. Он похож на «сердце девушки, выпаренное в иоде», «окаменелый обломок позапрошлого лета».

Человек, изучающий жизнь и мир вокруг, ненавидит все это. Закрывшись в своей темной комнате, он сидит целыми днями, и все, что происходит снаружи, его лишь злит и раздражает. Возможно, такого человека можно было бы пожалеть, ведь он действительно несчастен. Можно было бы, если бы он не был ученым, который обязан исследовать явления жизни и, тем самым, улучшать эту жизнь, делать ее более приятной.

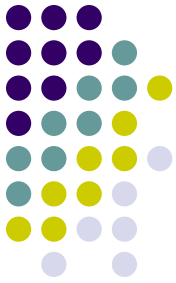
Однако мы видим, что «знаменитый ученый» на это совершенно неспособен. Более того, к реальной жизни, с ее настоящими заботами и проблемами, он не имеет никакого отношения, потому что безнадежно отстал от современности, ему совершенно безразлично все, кроме «бородавок в Бразилии».

Таким образом, «Гимн ученому» - это сатира Маяковского, направленная на мир «книжных людей», оторванных от жизни, боящихся и ненавидящих все, кроме своей «буквоедской» работы.

Сплетник

• Петр Иванович Сорокин
В страсти -
    холоден, как лёд.
Все
    ему
        чужды пороки:
и не курит
    и не пьёт.
Лишь одна
    любовь
        рекой
залила
    и в бездну клонит -
любит
    этакой серьгой
повисеть на телефоне.
Фарширован
    сплетен
        кормом,
он
    вприпрыжку,
        как коза,
к первым
    вспомненным
        знакомым
мчится
    новость рассказать.
Задыхаясь
    и сипя,
добредя
    до вашей
        дали,
он
    прибавит от себя
пуд
    пикантнейших деталей.
"Ну...-
    начнет,
        пожавши руки,-
обхохочете живот,
Александр
    Петрович
        Брюкин -
с секретаршею живет.
А Иван Иванович Тестов -
первый
    в тресте
        инженер -
из годичного отъезда
возвращается к жене.
А у той,
    простите,
        скоро -
прибавленьё!
    Быть возне!
Кстати,
    вот что -
        целый город
говорит,
    что раз
        во сне..."

•Скрыл
    губу
        ладоней ком,
стал
    от страха
остролицым.
"Новость:
    предъявил...
        губком...
ультиматум
    австралийцам".
Прослунявив новость
    вкупе
с новостешкой
    странной
        с этой,
быстро
    всем
        доложит -
        в супе
что
    варилось у соседа,
кто
    и что
        отправил в рот,
нет ли,
    есть ли
        хахаль новый,
и из чьих
    таких
        щедрот
новый
    сак
        у Ивановой.
Когда
    у такого
        спросим мы
желание
    самое важное -
он скажет:
    "Желаю,
        чтоб был
        мир
огромной
    замочной
скважиной.
Чтоб, в скважину
    в эту
        слезши на
треть,
слюну
    подбирая еле,
смотреть
    без конца,
        без края
смотреть -
в чужие
    дела и постели".

- Владимир Маяковский довольно терпимо относился к различным человеческим порокам. Однако некоторые из них все же раздражали поэта, заставляя его создавать стихи-пародии – язвительные, острые, передающие черты характера людей. Взаимоотношения Владимира Маяковского и Лили Брик служили поводом для постоянных пересудов. Причем, не только со стороны обывателей. Известно, что сестры поэта постоянно подливали масла в огонь и обличали любовников, но при этом следили буквально за каждым их шагом. Подобными повадками обладали и некоторые друзья поэта, которые любили бывать у него в гостях, а после делились пикантными подробностями взаимоотношений между четой Бриков и Маяковским. Именно таким злопыхателям и посвятил поэт свое стихотворение, выставив его главного героя совершенно беспринципным и чересчур любопытным человеком.
- Его Маяковский описывает как субъекта, который «в страсти холоден, как лед», но при этом любит «эдакой серьгой повисеть на телефоне» с целью узнать новую сплетню, приукрасить ее и донести до сведения других. Причем, совершенно неважно, кто будет его собеседником – соседи, друзья или же случайные знакомые. Он готов с каждым из них поделиться новостью, которая в его исполнении приобретает сенсационный характер. Пока его собеседники вникают в смысл сказанного, сплетник подмечает каждую мелочь, чтобы потом радостно доложить другим о том, что он увидел в чужих домах. Он не гнушается даже заглянуть в кастрюлю, чтобы узнать, из чего именно соседи готовят обед, и мечтает о том, чтобы «был мир огромной замочной скважиной», через которую можно «без края смотреть – в чужие дела и постели».

Подлиза

Этот сорт народа -
тих
и бесформен,
словно студень,-
очень многие
из них
в наши
дни
выходят в люди.
Худ умом
и телом чахл
Петр Иванович Болдашкин.
В возмутительных прыщах
зря
краснеет
на плечах
не башка -
а набалдашник.
Этот фрукт
теперь согрет
солнцем
нежного начальства.
Где причина?
В чем секрет?
Я
задумываюсь часто.
Жизнь
его
идет на лад;
на него
не брошу тень я.
Клад его -
его талант:
нежный
способ
обхожденья.
Лижет ногу,
лижет руку,
лижет в пояс,
лижет ниже,-
как кутенок
лижет
суку,
как котенок
кошку лижет.

•А язык?!
На метров тридцать
догонять
начальство
вылез -
мыльный весь,
аж может бриться,
даже
кисточкой не мылясь.
Все похвалит,
впавши
в раж,
что
фантазия позволит -
ваш катар,
и чин,
и стаж,
вашу доблесть
и мозоли.
И ему
пошли
чины,
на него
в быту
равнение.
Где-то
будто
вручены
чуть ли не -
бразды правленья.
Раз
уже
в руках вожжа,
всех
сведя
к подлизным взглядам,
расклюявит:
"Уважать,
уважать
начальство
надо..."
Мы
глядим,
уныло ахая,
как растет
от ихней братии
архи-разиерархия
в издевательстве
над демократией.
Вся шваброй
верхом,
низом,
сместь бы
всех,
кто поддались,
всех,
радеющих подлизам,
всех
радетельских
подлиз.

- Далеко не все люди, с которыми приходилось в жизни сталкиваться Маяковскому, отвечали идеалам поэта. Некоторых он попросту терпел, других игнорировал, а третьим посвящал стихи, полные желчи и сарказма. Одним из них является **произведение «Подлиза», созданное в 1928 году, в котором автор дает определение целому классу своих соотечественников, обладающих одним-единственным талантом, который заключается в виртуозном умении угождать вышестоящему начальству**. При этом они настолько привыкли использовать свой «нежный способ обхождения», что делают комплименты не только достоинствам человека, но и его недостаткам. Но это подлиз совершенно не смущает, так как они знают, что их речи являются услугой для начальственных ушей и верным способом продвижения по карьерной лестнице. При этом залогом успеха подлизы является его язык, который «на метров тридцать догонять начальство вылез».
- **Маяковский не только высмеивает подлиз, но и считает их одними из наиболее опасных элементов советского общества, которых поэт обвиняет «в издевательствах над демократией»**. Свобода слов и мыслей, провозглашенная революцией пусть и на бумаге, в данном случае принимает весьма уродливую форму, так как она завуалирована лезью и стремлением получить личные выгоды благодаря вовремя и правильно сделанным комплинтам. Маяковского настолько раздражает эта лакейская черта многочисленных подлиз, что он предлагает всех их смести с лица земли «вея шваброй». Но эти мечты поэта являются утопическими, потому что изменить человеческую суть, даже если он из лакея превращается в крупного чиновника, невозможно.

Прозаседавшие

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.
Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание:
отобрав с полсотни -
самые важные!-
служащие расходятся на заседания.

Заявишься:
"Не могут ли аудиенцию дать?
Хожу со времени она".-
"Товарищ Иван Ваныч ушли заседать -
объединение Тео и Гукона".

Исколесишь сто лестниц.
Свет не мил.
Опять:
"Через час велели прийти вам.
Заседают:
покупка склянки чернил
Губкооперативом".

Через час:
ни секретаря,
ни секретарши нет -
голо!

Все до 22-х лет
на заседании комсомола.

Снова взбираюсь, глядя на ночь,
на верхний этаж семиэтажного дома.
"Пришел товарищ Иван Ваныч?" -
"На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома".

● Взъяренный,
на заседание
врываюсь лавиной,
дикие проклятья дорогой изрыгая.
И вижу:
сидят людей половины.
О дьявольщина!
Где же половина другая?
"Зарезали!
Убили!"
Мечусь, оря.
От страшной картины свихнулся разум.
И слышу
спокойнейший голосок секретаря:
"Оне на двух заседаниях сразу.

В день
заседаний на двадцать
надо поспеть нам.
Поневоле приходится раздвояться.
До пояса здесь,
а остальное
там".

С волнением не уснешь.
Утро раннее.
Мечтой встречаю рассвет ранний:
"О, хотя бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!"

До революции Маяковский постоянно критиковал самодержавие, однако после смены общественно-политического строя у него появилось гораздо больше поводов для неприкрытой иронии. Одним из них стал бюрократизм, который при советской власти был возведен в абсолют. Именно этому нелюбимому явлению поэт в 1922 году посвятил свое знаменитое стихотворение «Прозаседавшиеся».

Начинается это произведение вполне буднично и обычно, показывая деловую активность различных слоев населения, представители которых спешат по своим делам. Их ждет масса работы, однако вскоре выясняется, что вся она связана с никому не нужной бумажной волокитой. Однако настоящим бичом общества являются всевозможные заседания, которые отнимают массу времени не только у их участников, но и рядовых граждан, вынужденных обратиться в то или иное учреждение для решения действительно важных вопросов.

«Исколесишь сто лестниц. Свет не мил», — именно такие ощущения вызывает у Маяковского необходимость искать очередного чиновника, который оказывается настолько неуловимым, что застать на месте в рабочее время его попросту не представляется возможным. Выслушивая очередные отговорки секретаря и ссылки на то, что требуемая персона ушла на очередное заседание, поэт, а в месте с ним тысячи советских граждан вынуждены вновь бегать по коридорам учреждения в надежде все же разыскать пропажу. И когда рабочий день уже близится к завершению, оказывается, что поинтересоваться дислокацией до сих пор не вернувшегося чиновника уже просто не у кого. «Через час: ни секретаря, ни секретарши нет — голо!», — с сарказмом отмечает поэт, сообщая читателю, что даже люди, призванные отвечать на вопросы многочисленных посетителей, вынуждены уйти на заседание.

Очередная попытка встретиться с чиновником вновь заканчивается неудачей, после чего Маяковский решает разыскать его во что бы то ни стало и врывается в зал, где проходит еще одно заседание, «дикие проклятья на ходу изрыгая». **Картина, которая предстает перед поэтом, описана автором с особым сарказмом, приправленными мистическим ужасом,** так как в помещении он видит только половинки людей, точнее, их верхние части до пояса. Умышленный гиперболический прием, использованный автором, призван подчеркнуть, что даже рабочего дня чиновникам не хватает на то, чтобы поспеть на все запланированные заседания, которых в день проводится не менее двадцати. Некоторые мероприятия и вовсе совпадают по времени, поэтому их участники вынуждены в буквальном смысле слова раздваиваться, что вызывает у поэта уже не сарказм, а горькую усмешку. Понимая всю беспочвенность и ненужность культивируемых общественных дебатов, автор, между тем, отдает себе отчет, что эта относительно новая система будет искореняться десятилетиями. В результате же страдают самые обычные люди, которые вынуждены тратить на решение банальных вопросов колоссальное количество времени.

В последние строчки этого стихотворения Маяковский вложил всю свою иронию. Кошмарное видение с раздвоением чиновников мучило его всю ночь, и в итоге рассвет поэт встретил с единственной мечтой — «о, хотя бы еще одно заседание относительно искоренения всех заседаний!».

Следует отметить, что элементы преувеличения, использованные Маяковским при написании стихотворения «Прозаседавшиеся», незначительны. Поэту действительно приходилось неделями бегать по различным главам, чтобы решить простейшие бытовые и творческие вопросы. И именно подобные «походы», часто заканчивавшиеся фиаско, послужили поводом для того, чтобы накопившееся раздражение выплеснулось в сатирическое произведение, ставшее литературным памятником советской эпохи.